

П. Кропоткин

Этика анархизма

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
К83

К83 **Кропоткин П.**
Этика анархизма / П. Кропоткин – М.: Книга по Требованию, 2021. – 52 с.

ISBN 978-5-458-54972-1

ISBN 978-5-458-54972-1

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

И каждый разъ на сцену возвращаются вопросы этики: „Почему я долженъ слѣдовать принципамъ этой лицемерной морали?“; возникаетъ вопросъ въ освободившемся отъ религіознаго ужаса мозгу. „Почему какая бы то ни была мораль должна являться обязательной?“.

Тогда появляются попытки отдать себѣ отчетъ въ этомъ нравственномъ чувствѣ, съ которымъ сталкиваешься на каждомъ шагѣ, не умѣя объяснить себѣ его природу, и объясненіе которому будетъ найдено только тогда, когда его перестанутъ считать привиллегіей человѣческой природы, а снизойдутъ къ животнымъ, растеніямъ, скаламъ для того, чтобы понять его сущность. Тѣмъ не менѣе продолжаютъ попытки найти объясненіе вопроса, которое согласовалось бы съ данными современной науки.

Нужно-ли оговариваться? Чѣмъ больше подкапываются основы обиходной морали или, правильнѣе, замѣняющаго ее лицемерія,—тѣмъ болѣе повышается нравственный уровень общества. Какъ разъ въ эти-то періоды, именно тогда, когда моральное чувство критикуется и отрицается вовсе, тогда то оно и дѣлаетъ самые быстрые успѣхи въ своемъ развитіи; тогда то оно возвышается, растетъ, совершенствуется.

* * *

Примѣръ этому можно найти въ XVIII вѣкѣ. Уже въ 1723 г. Мандевилль, анонимный авторъ, который скандализировалъ Англію своей „басней о пчелахъ“ и добавленными къ ней комментаріями нападалъ открыто на общественное лицемеріе, слышущее Моралью. Онъ доказываетъ, что такъ называемая нравственность обиходныхъ обычаевъ только маска лицемерія, что страсти, которыя якобы сдерживаются кодексомъ ходячей морали, наоборотъ, принимаютъ тѣмъ болѣе гибельное направленіе, чѣмъ больше ограниченій налагаетъ на нихъ кодексъ. Подобно Фурье, онъ требовалъ полной свободы проявленіямъ страстей для того, чтобы онѣ не выродились въ такое-же количество пороковъ. Онъ объяснялъ происхожденіе моральныхъ идей у человѣчества потворствомъ заинтересованныхъ въ этомъ вопросѣ лицъ—родителей и правящихъ классовъ, отдавая этимъ дань недостатку знаній по зоологіи въ его время. Всѣмъ извѣстна энергичная критика идей нравственности, которую внесли шотландскіе философы и энциклопед-

дисты. Извѣстны анархисты 1793 г., и всѣ знаютъ на чьей сторонѣ сказывается наиболѣе высокоразвитое чувство нравственности?—у законовѣдovъ, патріотовъ и якобинцевъ, которые воспѣвали принципъ принудительности и моральную санкцію Верховнаго Существа, или—у атеистовъ—гербертистовъ, которые, подобно Гюйо, отрицали и принудительность и санкцію морали?

* * *

„Почему я обязанъ быть нравственнымъ?“ вотъ вопросъ, который поставили себѣ рационалисты XII вѣка, философы XVI, мыслители и революціонеры XVIII вѣка. Позже къ этому вопросу снова возвращаются англійскіе утилитаристы (Бентамъ и Милль), нѣмецкіе матеріалисты, какъ Бюхнеръ, русскіе нигилисты 60—70 гг., молодой основатель этики анархизма (наука объ общественной нравственности) Гюйо, къ несчастью, слишкомъ рано умершій. Вотъ этотъ-то вопросъ и ставятъ себѣ въ данный моментъ молодые французскіе анархисты.

* * *

И въ самомъ дѣлѣ, почему?

Тридцать лѣтъ тому назадъ этимъ вопросомъ увлекалась русская молодежь. „Я поступаю безнравственно въ данномъ случаѣ, говоритъ юный нигилистъ своему другу,—иллюстрирую первымъ подвернувшимся фактомъ волнующія его мысли,—я окажусь безнравственнымъ, но почему мнѣ и не поступить безнравственно?

Не потому-ли, что этого требуетъ библія? Но вѣдь библія—собраніе вавилонскихъ и іудейскихъ преданій—не болѣе. Это традиціи, составленныя подобно сборнику пѣсень Гомера, пѣсень басковъ или монгольскихъ легенды! Развѣ я долженъ возвратиться къ умственному уровню полуварварскихъ народовъ Востока? Неужели я окажусь безнравственнымъ, потому что Кантъ говоритъ мнѣ о категорическомъ императивѣ, о таинственномъ велѣніи, которое зарождается въ глубинѣ моего я и повелѣваетъ быть нравственнымъ? Но почему-же этотъ „категорическій императивъ“ имѣетъ болѣе правъ на мои поступки, чѣмъ другой императивъ, который отъ времени до времени повелѣваетъ мнѣ напиться пьянымъ? Все дѣло въ одномъ словѣ.

Только одно слово! Развѣ это не совершенно то-же, что Провидѣніе или Рокъ—слова, выдуманная для того, чтобы скрыть наше невѣжество!

— „Или я обязанъ быть нравственнымъ для того, чтобы доставить удовольствіе Бентаму, который хочетъ меня увѣрить, что я буду счастливѣе, если утону самъ, спасая прохожаго упавшаго въ рѣку, чѣмъ если буду смотрѣть, какъ онъ тонетъ?

— „Или еще потому, что я получилъ то, а не другое воспитаніе? Потому что нравственность мнѣ преподавала моя мать? Но въ такомъ случаѣ, развѣ я не долженъ также падать ницъ передъ всякой картиной, изображающей христа или мадону, уважать короля или императора, кланяться судьѣ, котораго считаю мошенникомъ,—и все это только потому, что моя мать, всѣ наши матери—очень добрыя, но очень невѣжественныя, научили насъ цѣлой кучѣ глупостей?

„Все это—такіе же предрасудки, какъ и все остальное, и я буду работать надъ тѣмъ, чтобы отъ нихъ отдѣлаться. Если мнѣ противно быть безнравственнымъ, я употреблю надъ собою усиліе, чтобы сдѣлаться таковымъ, какъ въ юности старался не бояться темноты, кладбища, привидѣній и мертвецовъ, къ которымъ мнѣ внушали страхъ. Я сдѣлаю это, чтобы сломать оружіе, которымъ пользуется религія, сдѣлаю это, наконецъ, хотя бы для того, чтобы протестовать противъ лицемерія, которое намъ навязываютъ во имя одного слова, именемъ котораго окрестили нравственность“.

* * *

Вотъ какъ разсуждала русская молодежь въ тотъ моментъ, когда она порывала съ предрасудками Стараго Міра и воздвигала знамя нигилизма, или вѣрнѣе, философіи анархизма: „Не преклоняться ни передъ какимъ авторитетомъ, какъ бы высоко его ни ставили; не слѣдовать никакому принципу до тѣхъ поръ, пока онъ не будетъ проверенъ разумомъ“.

Излишне прибавлять, что нигилистическая молодежь, выбросивъ въ корзину съ хламомъ ученіе о нравственности своихъ отцовъ и предавъ пламени всѣ системы нравственности выработана въ своихъ нѣдрахъ зародышъ нравственнаго поведенія,

который былъ безконечно возвышеннѣе всего того, что практиковали ихъ отцы подѣ опекой Евангелія, „совѣсти“, „категорическаго императива“ или „разумно понятой пользы“ утилитарной школы.

Но прежде чѣмъ отвѣтить на вопросъ: Почему я долженъ быть нравственнымъ?, посмотримъ, однако, правильно ли поставленъ самый вопросъ, анализируемъ мотивы „человѣческихъ поступковъ“.

II.

Когда наши предки хотѣли дать себѣ отчетъ въ томъ, какой импульсъ заставляетъ человѣка поступить такъ или иначе, они приходили къ этому выводу очень просто. Еще до сихъ поръ сохранились католическія иконы, изображающія способъ, которымъ они объясняли себѣ это.

Идетъ человѣкъ по полю, совершенно не замѣчая того, что на лѣвомъ его плечѣ сидитъ чортъ, а на правомъ—ангелъ. Діаволъ толкаетъ его на то, чтобы сотворить зло, а ангелъ пытается удержать его отъ этого.

Если ангелъ одержитъ верхъ, и человѣкъ останется добродѣтельнымъ, его подхватываютъ три другіе ангела и уносятъ на небо. Такъ все объясняется какъ по писанному.

Наши старыя няньки, очень хорошо освѣдомленныя на этотъ счетъ, скажутъ вамъ, что никогда не слѣдуетъ укладывать ребенка въ постель, не разстегнувъ ему ворота рубахи. У самаго основанія шеи, надо оставить открытымъ тепленькое мѣстечко, гдѣ могъ бы пріютиться ангелъ хранитель. Въ противномъ случаѣ діаволъ будетъ мучить ребенка даже во снѣ.

Эти наивныя разсужденія исчезаютъ. Но хотя старыя термины перестаютъ существовать, сущность все-таки остается одна и та же.

Просвѣщенная порода не вѣритъ болѣе въ черта, но такъ какъ ея идеи не разумнѣе вѣрованій нашихъ старыхъ нянекъ, она лицемѣрно прикрываетъ чорта и ангела схоластической болтовней, которую почтили названіемъ философіи. Вмѣсто „чорта“ теперь говорятъ „плоть, страсти“. „Ангелъ“ замѣняется словами „совѣсть или душа“,—„отраженіе мысли Бога—творца“ или „великаго зодчаго“, какъ говорятъ франкъ-массоны. Но поступки лю-

дей по прежнему изображаются какъ результатъ борьбы двухъ враждебныхъ элементовъ. И всетаки человѣкъ продолжаетъ считаться добродѣтельнымъ по столько, по сколько одинъ изъ этихъ элементовъ—душа или совѣсть—одержитъ большее количество побѣдъ надъ другимъ—плотью или страстями.

Не трудно понять изумленіе нашихъ дѣдушекъ, когда англійскіе философы, а позже энциклопедисты, стали увѣрять, вопреки этимъ примитивнымъ концепціямъ, что чорту и ангелу нѣтъ рѣшительно никакого дѣла до человѣческихъ поступковъ, что всѣ поступки человѣка, хорошіе и дурные, полезные и вредные, проистекаютъ только изъ одного мотива: стремленія къ наслажденію.

Вся религіозная братія и многочисленное племя фарисеевъ, въ особенности, завопили о безнравственности. Всякія поношенія посыпались на мыслителей, которыхъ предали анаемѣ. И когда, нѣсколько позднѣе, уже въ теченіе нынѣшняго вѣка, къ тѣмъ же идеямъ вернулись Бентамъ, Джонъ Стюартъ Милль, Чернышевскій и многіе другіе, когда эти мыслители стали утверждать и доказывать, что Эгоизмъ, или—стремленіе къ наслажденію, является единственнымъ мотивомъ всѣхъ нашихъ поступковъ, проклятія возобновились съ удвоенной силой. Сочиненія ихъ были встрѣчены молчаливымъ заговоромъ, къ ихъ авторамъ отнеслись, какъ къ невѣждамъ.

* * *

А между тѣмъ, что можетъ быть справедливѣе этого положенія?

Вотъ человѣкъ, который отнимаетъ послѣдній кусокъ хлѣба у ребенка. Всѣ приходятъ къ единодушному заключенію, что онъ ужасный эгоистъ, что имъ руководитъ исключительно себялюбіе.

Но вотъ другой человѣкъ, котораго всѣ считаютъ добродѣтельнымъ; онъ дѣлится послѣднимъ кускомъ хлѣба съ голоднымъ, онъ снимаетъ съ себя одежду и отдаетъ ее холодному. И вотъ, моралисты, всегда говорящіе на своемъ религіозномъ жаргонѣ, спѣшатъ заявить, что онъ доводитъ принципъ любви къ ближнему до самоотрѣченія, что имъ руководитъ чувство не имѣющее ничего общаго съ эгоизмомъ.

А между тѣмъ, достаточно немножко поразмыслить, чтобы тотчасъ сдѣлалось яснымъ, что, не смотря на то, что оба эти поступка совершенно различны по своимъ результатамъ для человѣчества, мотивомъ ихъ является одно и то же, а именно стремленіе къ наслажденію. Если бы человѣкъ, отдающій свою послѣднюю рубашку, не находилъ наслажденія въ этомъ поступкѣ, онъ не совершилъ бы его. Онъ отнялъ бы хлѣбъ у ребенка, если бы это доставляло ему удовольствіе, но это ему претитъ, ему доставляетъ наслажденіе отдавать, и онъ на самомъ дѣлѣ отдаетъ.

Если бы не существовало опасности смѣшенія понятій при употребленіи въ новомъ смыслѣ словъ, уже имѣющихъ определенное значеніе, можно было бы сказать, что импульсомъ поступковъ и того и другого человѣка былъ ихъ эгоизмъ. Нѣкоторые такъ и выражались на самомъ дѣлѣ для того, чтобы придать болѣе выпуклости мысли, точнѣе формулировать идею, выражая ее въ такой формѣ, которая поражаетъ воображеніе и въ одно и то же время уничтожаетъ легенду, утверждающую, что каждымъ изъ приведенныхъ выше поступковъ руководили два различные мотива. Мотивъ былъ одинъ и тотъ же — стремленіе къ наслажденію или, что совершенно то же, желаніе избѣгнуть страданія.

Возьмите отъявленнаго негодяя; какогонибудь Тьера, который избиваетъ тридцать пять тысячъ Парижанъ, возьмите убійцу, который вырѣзываетъ цѣлую семью, чтобы погрязнуть въ развратѣ. Они дѣлаютъ это потому, что въ данный моментъ жажда славы или денегъ беретъ у нихъ верхъ надъ всѣми другими стремленіями. Чувство жалости, даже состраданія совершенно заглушаются въ этотъ моментъ иными чувствами, иною жаждой. Они поступаютъ почти какъ автоматы, чтобы удовлетворить одной изъ потребностей своей природы.

Или, оставляя въ сторонѣ сильныя страсти, возьмите дряненькую натурошкѣ—человѣка, который надуваетъ своихъ друзей, лжетъ на каждомъ шагу, то съ цѣлью выманить денегъ на кружку пива, то просто изъ хвастовства или хитрости. Возьмите буржуа, который по грошамъ обворовываетъ своихъ рабочихъ для того, чтобы купить брилліанты женѣ или любовницѣ.

Возьмите любого мелкаго плута: вѣдь и этотъ тоже повинуются только своей склонности, онъ стремится къ удовлетворенію потребности, онъ старается избѣгнуть того, что причиняетъ ему страданіе.

Чувствуется нѣкотораго рода неловкость при сравненіи этого мелкаго плута съ тѣмъ героемъ, который приносить въ жертву цѣликомъ всю свою жизнь для освобожденія угнетенныхъ и всходитъ на эшафотъ, подобно русскимъ нигилистамъ, до того привлекательнымъ является одно и—отвратительнымъ другое. А между тѣмъ, если бы обратились къ этому мученнику—къ женщинѣ, которой сейчасъ предстоитъ висѣлица, даже въ ту минуту, когда она готова взойти за эшафотъ, она скажетъ вамъ, что не согласна отдать въ обмѣнъ ни свою жизнь, жизнь затравленнаго звѣря, ни даже свою смерть за жизнь того мелкаго мошенника, который живетъ на украденные гроши рабочихъ. Она находитъ въ своей жизни, въ борьбѣ со всесильными чудовищами наивысшее для себя наслажденіе.

Все то, что выходитъ изъ рамокъ этой борьбы, мелочныя радости и горести буржуазнаго существованія кажутся ей такими скудными и жалкими: „Вы не живете, а прозябаете“, отвѣтитъ она вамъ.—„Я же жила!“

Само-собой, мы говоримъ о преднамѣренныхъ, сознательныхъ поступкахъ человѣка, оставляя за собою право коснуться позднѣе огромнаго количества безсознательныхъ, почти машинальныхъ поступковъ, которыми переполнена огромная часть нашей жизни. Итакъ, въ своихъ сознательныхъ и разумныхъ поступкахъ человѣкъ руководится всегда стремленіемъ къ тому, что доставляетъ ему наслажденіе.

Одинъ ежедневно напивается и доводитъ себя до состоянія безсловеснаго животнаго потому, что ищетъ въ винѣ того нервнаго возбужденія, котораго недостаетъ его нервной системѣ. Другой не пьетъ и отказывается отъ вина несмотрѣя на то, что оно доставляетъ ему удовольствіе, для того, чтобы насладиться другими радостями, которыя онъ предпочитаетъ вину. Но развѣ онъ не поступаетъ совершенно такъ, какъ лакомка, который, пробѣжавъ меню параднаго обѣда, отказывается даже отъ любимаго блюда

для того, чтобы объѣсться другимъ, которое онъ предпочитаетъ первому?

Чтобы ни дѣлалъ человѣкъ, онъ всегда стремится къ наслажденію или избѣгаетъ страданія.

Когда женщина лишаетъ себя послѣдняго куска хлѣба для того, чтобы отдать его первому встрѣчному, когда она снимаетъ съ себя послѣднее рубище для того, чтобы согрѣть другую иззябшую женщину, а сама дрожить отъ холода на палубѣ судна, она дѣлаетъ это потому, что страдала бы неизмѣримо сильнѣе при видѣ голоднаго и холоднаго, чѣмъ страдаетъ отъ голода и холода сама. Она избѣгаетъ страданія, острота котораго знакома лишь тому, кто самъ испыталъ его.

Когда австраліецъ, котораго приводитъ въ примѣръ Гюйо, изнываетъ при одѣй мысли о томъ, что еще не отмстилъ за смерть своего родича, когда онъ чахнетъ, терзаемый сознаниемъ своей трусости, и оживаетъ лишь тогда, когда уже свершилъ актъ мести, онъ часто способенъ на геройскій подвигъ для того, чтобы отдѣлаться отъ угнетающаго его чувства и вновь обрѣсти внутреннее удовлетвореніе, которое является высшимъ наслажденіемъ.

Когда толпа обезьянъ, при видѣ товарища сраженнаго пулею охотника, осаждаетъ его палатку и требуетъ возвращенія трупа, не взирая на грозное дуло ружья, когда, наконецъ, предводитель стаи смѣло входитъ въ палатку, сначала угрожая охотнику, а затѣмъ умоляя его, и заставляетъ его своими жалобами возвратить трупъ, а вся стая съ воплями уноситъ его въ лѣсъ, обезьяны повинуются инстинкту сочувствія, который говорить громче всякихъ {соображеній о личной безопасности. Это чувство беретъ у нихъ верхъ надъ всѣми остальными. Самая жизнь теряетъ въ ихъ глазахъ свою прелесть до того момента, когда они убѣдятся, наконецъ, что уже не въ состояніи возвратить своего товарища къ жизни. Это чувство становится до того гнетущимъ, что бѣдныя животныя рискуютъ всѣмъ для того, чтобы отдѣлаться отъ него.

Когда муравьи цѣлыми тысячами кидаются въ пылающій муравейникъ, подоженный этимъ злымъ животнымъ—человѣкомъ, и погибаютъ цѣлыми сотнями, спасая своихъ личинокъ, они опять таки повинуются потребности сохраненія своего потомства.

Они рискуютъ всѣмъ ради удовольствія унести съ собой эти личинки, которыя они растили съ большею заботою, чѣмъ воспитываетъ своихъ дѣтей любая буржуазная мать.

Наконецъ, когда инфузорія, избѣгая слишкомъ знойныхъ лучей, отправляется на поиски болѣе умѣренной температуры, или растение поворачиваетъ цвѣты къ солнцу или сворачиваетъ свои листья при наступленіи ночи,—всѣ эти существа опять таки повинуются потребности избѣжать страданія и стремятся къ наслажденію: муравей, точно такъ-же какъ австралиецъ, христіанскій мученикъ, какъ и мученикъ—анархистъ.

* * *

Стремиться къ наслажденію, избѣгать страданія—это универсальный факторъ (нѣкоторые сказали бы—законъ) органической жизни міра. Въ этомъ заключается самая сущность жизни. Не будь этого стремленія къ удовольствію, сама жизнь стала бы невозможной. Организованная матерія распалась бы, и жизнь прекратилась.

* * *

Итакъ, каковы бы ни были поступки человѣка, какова бы ни была линія его поведенія, онъ всегда повинуется, въ своихъ поступкахъ, велѣніямъ своей природы. Какъ самые отталкивающіе поступки, такъ и безразличные и—самые привлекательные—всѣ диктуются въ равной мѣрѣ потребностями индивида. Поступая такъ или иначе, индивидъ дѣйствуетъ въ зависимости отъ того, что предвидитъ наслажденіе въ результатѣ своего поступка или думаетъ избѣжать страданія.

Это—фактъ вполне установленный.

Вотъ, что составляетъ сущность, такъ называемой, теоріи эгоизма.

Теперь вопросъ: далеко ли подвинуло насъ это общее заключеніе?

Да, конечно, подвинуло. Мы завоевали себѣ истину и разрушили предрассудокъ, лежащій въ корнѣ всѣхъ предрассудковъ. Въ этомъ заключеніи совмѣщается вся матеріалистическая философія по отношенію къ человѣку.

Но развѣ изъ него слѣдуетъ то заключеніе, которое пото-

ропились вывести, что всё человѣческіе поступки безразличны? Мы сейчас рассмотрим это.

III.

Мы уже видѣли, что всё человѣческіе поступки (разумные т. е. сознательные; позже мы будемъ говорить о безсознательныхъ привычкахъ) имѣютъ общее происхожденіе. Поступки, которые называютъ добродѣтельными, точно такъ, какъ и тѣ, которые именуютъ порочными, величіе самоотверженія такъ же, какъ и мелкое полутовство, симпатичные поступки, какъ и отвратительныя дѣянія—вытекаютъ всё изъ одного источника. Всё они созданы для удовлетворенія природныхъ потребностей человѣка, всё—имѣютъ цѣлью стремиться къ наслажденію и избѣгать страданія. Мы видѣли это въ предыдущей главѣ, которая является краткимъ выводомъ изъ массы фактовъ, которые могутъ быть приведены въ доказательство этому.

Понятно, что такое объясненіе вызвало протестующіе вопли тѣхъ, кто оставался проникнутымъ религіозными принципами. Въ этомъ объясненіи сверхъестественному не остается уже мѣста; идея о безсмертіи души здѣсь совершенно покинута. Въдь, если человѣкъ въ своихъ поступкахъ повинуетъ лишь потребностямъ своей природы, если онъ является, такъ сказать, „сознательнымъ автоматомъ“, то куда дѣвается безсмертная душа, куда дѣвается безсмертіе—послѣднее убѣжище тѣхъ, которые испытали мало радостей и слишкомъ много страданій и мечтаютъ о вознагражденіи на томъ свѣтѣ? Понятно, что люди, воспитанные на предразсудкахъ, плохо вѣрующіе въ столь часто обманывавшую ихъ науку, руководствующіея больше чувствомъ, чѣмъ разумомъ,—отварачивались отъ того толкованія, которое отнимало у нихъ послѣднюю надежду.

* * *

Но что можно сказать о тѣхъ революціонерахъ, которые, съ начала прошлаго вѣка и до сегодняшняго дня, каждый разъ, какъ услышатъ естественное объясненіе человѣческихъ поступковъ (теорію эгоизма, если хотите), торопятся вывести изъ него то самое заключеніе, которое дѣлаетъ молодой нигилистъ, приведенный въ началѣ этого трактата, что сказать о тѣхъ, которые спѣшаютъ съ восклицаніями: „Долой нравственность!“